

Наша эпоха

Товарищ, безвестный ровесник,
Как дивно сверкают года!
Не нам ли свинцовые песни
Запали в сердца навсегда, —
С походов, Карпатских откосов,
Братаний, расстрела царя,
Под гулкие залпы матросов,
Под штурмовый шаг Октября.

И дальше, — сквозь голод, разруху,
В болезнях, ржавая как медь, —
Сумели, не падая духом,
Все выжить и перетерпеть.
Пусть славится наша эпоха,
Запевшая в грубых руках,
В горячих весенних сполохах,
Бушующая, как в марте река!..

Еще, не ослабнув, дозоры, —
Как воры на скрытой меже,
Упорны ответные взоры:
Республика настороже.

С окраин косматые клочки
Клубятся, протяжно крича.
Им вторит в скрипучем величьи
Растущая песнь кирпича.

Но двери зеленых столетий
Уж настуж! У дымной стены
Играют веселые дети
На щебне, под ветром весны.
Калека протасится с горем,
Он войнами зло обожжен.
Сквозь давку, на гул аудиторий
Рабфаковец прет с чертежом.

А может быть, ты это, сверстник,
Ты здесь, но и там, на полях.
Колеса — железные перстни —
Сверкают, и рыхла земля.
Ты кончишь работу Ворота —
Раскроешь (тоска по весне),
Но в книгу уйдешь до дремоты...
С эпохой стать наравне!

С. ПАКЕНТРЕЙГЕР

О штампованных басках и художественных голосах

(Вместо литературного обзора).

В рассказах одного молодого автора, изданных довольно солидным издательством, пришлось наткнуться на такую мощную по своей образности фразу: «младенец заерал здоровенным басом». Не берем на себя смелости опровергать авторитет молодого писателя и брать под сомнение существование таких младенцев, но авторов, которые орут басом и которым по природе и по штату полагается говорить обыкновенным гражданским голосом, — у нас по-мало. Стоит более или менее грамотному гражданину нашему — отнюдь не в младенческом возрасте — издать плоды своих писаний в форме книги и назвать одну рассказами, повестью или романом, и вышеупомянутый гражданин получает звание писателя. Ему в сущности следует сказать: «Не орите басом. Он у вас отсутствует». Но его начинают разбирать и с формальной, и с социологической, и чуть ли не с астрономической точки зрения. И как ему, бедняге, но поддаться соблазну и не уверовать, что бас-то у него есть,

но он еще не владеет им в «здоровенных» размерах?

Согласно НОТу, каждого человека следует использовать в соответствии с его призванием. Согласно благословенному НОТу, уже сейчас кое-где производится отбор людей на работу по их склонностям и призванию. Конечно, мы в этой области далеки от совершенства, но как печально, что в художественной литературе нет и маленькой толики НОТа в смысле отбора людей.

Если с хором фиктивных басов можно и нужно бороться открыто и беспощадно, заставив их убраться от литературы, то куда труднее разъяснить и растолковать некоторым исполненным добрыми намерениями нашим пролетарским писателям, что они бессознательно идут по тому же ложному пути обездушивания литературы. Идеология для них — догма, окаменевшая истина, канон, в которые они, как в прозодежду, рядят своих героев, полагая, что этим самым превращают их в праведников.

В минувшем году появилась повесть Л. Грабаря «Лахудрин пероулок». Речь в ней идет о коммунистах, которых размозжил НЭП, они опускаются как люди, как граждане, как члены партии. Их поглощает сомнительная, жалкая, ползучая среда мелкой обывательщины. Исцеление и спасение грешной души одного из них приходит вместе с возвращением его на фабрику. Но читатель не верит и не поверит. Не поверит, во-первых, потому, что идеология в этой повести превращена в унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекала. Уж если писать по рецепту и доказывать, что только фабрика способна исцелить сошедшего со стези праведной коммуниста, то надо развернуть картину этого исцеления, показать процесс выздоровления и приобщения к массам, а этого автор не делает. Во-вторых, фабрика не церковь, не молельня. В ней не одни только иконы. На фабрике рядом со здоровыми, строительными процессами и крепкими, цельными, мужественными людьми встречаются процессы и люди нездоровые, искаженные. Показать, как в борьбе этих встречных начал человек снова находит свою индивидуальную и человеческую стоимость, свое место в революции, — задача большая, трудная и благодарная. Для выполнения ее требуется мощный, безжалостно-правдивый и трезвый талант реалиста. А Грабарь как бы отождествляет фабрику с церковью, с очистительной молельней: там все должно выздороветь. Примимайте читатель на-всру.

Но ведь это же перелицовка старых поучительных и религиозно-нравственных повестей. Это и есть обездушивание литературы и превращение идеологии в догму, которая не только сама предстает мертвой, но и умерщвляет тех людей, которых автор пытается нарисовать.

«Лахудрин пероулок» мы взяли, как пример того, какая опасность ожесточения угрожает пролетарской литературе, если она пойдет такими путями. Одними добрыми намерениями правдивого и завершенного произведения не создать.

Болезненным процессам в нашей жизни пролетарская литература во-

обще уделяет не мало внимания. Процессу распада личности посвящена повесть Сергея Малашкина «Луна с правой стороны». Надо отдать справедливость Малашкину, он не облачает в чистые ризы идеологии своих грешников. Если он и воспроизводит идеологию, то в согласии с внутренними процессами, которые переживают его персонажи. Малашкин чувствует живого человека, остро ощущает биологические и психологические противоречия личности, верит в «младость» нашей жизни и умеет дать ее почувствовать, верит в победу великих людей, которые являются достойным массе. Он говорит своим голосом, искренним, простым и убедительным. Он уверенно, увлекательно и правдоподобно рисует потерю чувства жизни у комсомолки Тани в среде, потерявшей не только общественную, но и индивидуальную устойчивость. Повесть его местами ароматна и красочна, но и ему оказалось не под силу развернуть картину того, как Таня снова нашла свое место в жизни.

Грох нашей пролетарской литературы заключается не в том, что один с большим, другой с меньшим успехом вскрывает некоторые печальные явления наших дней. Грех ее в том, что она наряду с этим не подходит и не подошла еще до сих пор к типу строителя и создателя, который является стержнем нашей государственной, хозяйственной и общественной жизни.

Только тому из молодых художников, который, не искажая фона всех жестоких противоречий нашей жизни, откроет строительный тип человека, будет принадлежать в литературе честь родоначальника активных, мужественных, цельных образов — людей переходной к социализму эры. Он завершит поиски нашего литературного молодняка и создаст тот потенциальный образ, из которого, как из зерна, вырастут фигуры нашего будущего.

А поиски идут, попытки делают. Намечается перестроение художественного типа. Не отдельного человека, не отдельную особь, в которой были бы обобщены и собраны характерные черты целых групп и прослоек, ищут некоторые молодые художники. Они ищут средств, при-

помощи которых можно дать эти группы и прослойки не в одном лице, не в одной фигуре, а во всем типичном, характерном, множественном их разнообразии.

Поиски этих художников идут в ногу с нашим временем, которое из-яло из оборота отдельных «героев»... Жадно ищутся такие художественные формулы, такие изобразительные приемы, которые дали бы эстетически почувствовать читателю, что жизнь наша преобразуется и строится не единицами большими или малыми, а суммами людей, множествами, коллективами.

Очень большое бремя выпало на долю этих упорных писателей. Дать образы деревень, станиц, фабрик, городов — это значит опрокинуть каноны в искусстве. Это дерзость, но дерзость, диктуемая эпохой, характером нашего времени, события которого создаются не отдельными людьми, а их организованными объединениями.

В этом направлении наибольшую последовательность и упорство проявляет Артем Веселый. Он пошел наперекор стихиям, упразднил в своих вещах отдельного героя, упразднил художественный тип в старом общепринятом смысле этого слова. Действующими фигурами у него являются команды, организации, деревни, города, фронты.

Такова и новая вещь «Россия, кровью умытая». Он не выпячивает отдельных лиц, не сосредоточивает на них исключительного внимания. Он рисует лицо всего фронта. Типичным объединением является вся масса, кусок страны, фронтовое множество. Такие же попытки и изыскания делали и, надо полагать, продолжают делать Серафимович, А. Малашкин и другие прозаики и поэты.

Если этим писателям удастся свои попытки осуществить и в передаче строительной полосы революции, они разрешают один из кардинальных вопросов пролетарской художественной литературы.

Пока в этом направлении работают очень немногие. Эти немногие искатели не создают идеологических манекенов. Идей пахнут у них жизнью и обращены непосредственно к политическому уму и сердцу нашего читателя.